

Больно, но и легко.

Если бы не дети, она давно бы избавилась от этого мужчины, который затянул её в пучину страданий.

Не только Тун Вэйлун был ошеломлён, но и дети не могли поверить своим ушам.

— Развод? — пробормотал Тун Вэйлун, уже не способный мыслить, лишь механически повторяя слова Ван Пинпин.

— Да, развод!

Раз начав, продолжить было уже легче.

Ван Пинпин выпрямилась, не отводя взгляда, и прямо посмотрела на Тун Вэйлуна:

— Мы вместе, чтобы поддерживать друг друга, но ты пропадаешь триста шестьдесят пять дней в году. Я хоть и замужем, но живу как вдова.

— Ты не любишь меня, не любишь Паньэр и Цяня, и мы тоже тебя не любим. Зачем тогда мучить друг друга под видом семьи? Давай разведёмся. Ты пойдёшь своей дорогой, а я своей, и больше не будем мешать друг другу.

Эти слова вылетали легко и свободно. На самом деле, в бесчисленных бессонных ночах Ван Пинпин ворочалась в постели, снова и снова представляя себе эту сцену.

Тун Вэйлун, словно поймав её на слове, закричал:

— Наконец-то ты сказала правду! Ты только и мечтаешь, чтобы я умер, чтобы могла гулять с другими! Бесстыдница!

Если бы не его низкий рост, Тун Цянь непременно подпрыгнул бы и дал пощёчину этому старому мерзавцу.

Он лучше всех знал, как тяжело приходилось матери.

В прошлой жизни Ван Пинпин никогда не думала о разводе.

Даже несмотря на то, что Тун Вэйлун был подлецом, изменял, бил её и тратил деньги впустую, она терпела, ограниченная традициями и своим узким кругозором.

Она жила как вдова, работая в поле и у печи, с трудом воспитывая двоих детей.

На протяжении более десяти лет она почти не покупала новой одежды, редко ела мясо и жила хуже, чем аскет.

Но даже это не спасло её.

Когда дети выросли и начали работать, казалось, что наконец-то настало время, когда они смогут заботиться о ней, но Ван Пинпин диагностировали рак.

Лечение было мучительным.

Но ещё мучительнее было отсутствие денег на лечение.

Ван Пинпин долго думала и решила, что не должна быть обузой для детей, и однажды поднялась на крышу.

Тун Цянь, вспоминая, как он, получив известие, поспешил в больницу и увидел окровавленное тело матери, не мог сдержать дрожь.

Если бы Ван Пинпин с самого начала не вышла замуж за Тун Вэйлуна, её жизнь была бы совсем другой.

Тун Вэйлун был виновником трагической судьбы всей семьи.

Какое право он имел здесь разглагольствовать!

Тун Цянь больше не хотел слушать.

Поскольку мать уже приняла решение, его задача была поддержать её:

— Мама совсем не такая! — не выдержал он. — Это всё из-за тебя! Вдова Чжао и Лю Чуньхуа только что при всех признались, что намеренно очерняли маму!

— Вдова Чжао? Лю Чуньхуа?

Сын говорил так уверенно, что Тун Вэйлун засомневался.

Но Ван Пинпин больше не собиралась терпеть.

Она горько усмехнулась:

— Тун Вэйлун, ты можешь говорить и делать что-то человеческое?

Вспоминая все свои страдания, которые привели лишь к такому обвинению, Ван Пинпин поняла, что была глупа.

Тун Вэйлун замялся.

Он взглянул в сторону и, заметив в углу мешок с рисом, спросил:

— Ты что, тайком занимаешься бизнесом?

Ван Пинпин лишь повторила:

— Давай разведёмся.

Тун Вэйлун нахмурился:

— Не думай, что разводом ты меня напугаешь. Моя сестра сказала, что ты в городе что-то продаёшь, рисовые шарики?

Теперь стало ясно, почему Тун Вэйлун вдруг вернулся. Наверняка Тун Дафэн услышала слухи и доложила ему, и он поспешил домой. Зная её характер, можно было догадаться, что она наговорила ему гадостей.

Тун Цянь насмешливо сказал:

— Если бы мама не продавала рисовые шарики, мы бы все умерли с голоду.

Тун Вэйлун возмутился:

— Как ты разговариваешь с отцом? Денег нет? Почему не попросил у меня?

Слова Тун Вэйлуна Тун Цянь всегда считал пустым звуком.

В прошлой жизни он ещё надеялся на этого человека и, отчаявшись, нашёл его, чтобы попросить денег на лечение матери.

Но вместо денег Тун Вэйлун начал требовать, чтобы дети давали ему деньги, угрожая и устраивая сцены.

Тун Цянь, будучи одиноким, не боялся его, но Тун Паньэр из-за этого получила немало упреков от родственников.

Холодно глядя на опустившееся лицо Тун Вэйлуна, Тун Цянь подумал, что его время тоже скоро закончится.

Ван Пинпин решила порвать с ним и не рассчитывала на его деньги.

Раньше она не разводилась, потому что у неё не было средств, и боялась, что Тун Вэйлун бросит детей. Но теперь всё изменилось — её небольшой бизнес процветал, и она могла обеспечить детям жизнь и учёбу.

Теперь Ван Пинпин наконец поняла, что имел в виду Тун Цянь, когда говорил: «Неважно, мужчина ты или женщина, у тебя должны быть свои деньги».

С деньгами она обрела уверенность:

— Мне не нужны твои деньги, — опустив голову, Ван Пинпин начала убирать разруху, оставшуюся после драки. — Оставь себе свои деньги, заberi свои вещи. Сегодня среда, люди на работе. Днём мы пойдём разводиться.

Тун Вэйлун нахмурился. Он вдруг понял, что Ван Пинпин не просто говорит сгоряча:

— Нет! Я не согласен!

Невыразимая паника охватила его, и Тун Вэйлун замахал руками, крича:

— Я не позволю тебе развестись!

Он начал нести чушь:

— Я знаю, ты хочешь сбежать от меня и жить с другим мужчиной, но это тебе не удастся! Ты вышла за меня замуж, стала частью семьи Тунов, и я не позволю тебе уйти!

Тун Цянь обменялся взглядом с Чжоу Минъянем, и они, действуя синхронно, бросились на обезумевшего мужчину.

Тун Паньэр незаметно подошла к двери.

Не ожидая нападения, Тун Вэйлун был вытолкнут за порог, а когда попытался вернуться, Тун Паньэр с силой захлопнула тяжёлую деревянную дверь прямо у него перед носом.

Он был изгнан из собственного дома своими детьми!

— Откройте! Откройте! — Тун Вэйлун в ярости колотил в дверь, но никто не вышел.

Через несколько минут соседи, услышав шум, вышли и с презрением посмотрели на него.

Словно обожжённый этим взглядом, Тун Вэйлун поспешно спрятался за домом, чтобы избежать чужих глаз.

Он не забыл, как на него смотрели, когда в последний раз уезжал из деревни.

Убедившись, что рядом никого нет, Тун Вэйлун злобно пнул глиняную стену, и непрочная поверхность осыпалась, покрывая его начищенные туфли слоем пыли.

Раздосадованный, он вытер их и ушёл.

Дома Ван Пинпин приготовила простой ужин.

За едой она неуверенно спросила:

— Паньэр, Цянь... То, что я сказала, правда. Я хочу развестись с вашим отцом. Вы согласны?

Тун Цянь чуть не закричал от радости. С момента своего перерождения его главной целью было помочь семье разбогатеть, а затем убедить мать увести их троих подальше от Тун Вэйлуна и его ужасной семьи. Теперь, когда Ван Пинпин сама предложила развод, он был счастлив.

— А... вы останетесь со мной или с отцом? — Ван Пинпин нервно спросила.

— Я буду с тобой, мама, — Тун Цянь сразу же заверил её.

Чжоу Миньянь, улыбаясь, посмотрел на Тун Цяня и шутливо сказал:

— Где Цянь, там и я.

Осталась только Тун Паньэр.

Под взглядами семьи она тихо сказала:

— Я буду с мамой и братом.

Договорившись, Тун Цянь спросил:

— Мама, мы переедем в другое место?

Дом, в котором они жили, хоть и состоял из нескольких старых глиняных комнат, был наследством Тун Вэйлуна от его родителей. Даже после развода Ван Пинпин могла рассчитывать лишь на половину.

— Да, — ответила Ван Пинпин, — как только разведёмся, я перевезу вас.

— В город? — спросил Чжоу Миньянь.